

Социодинамика

Правильная ссылка на статью:

Максимова С.Г., Суртаева О.В., Омельченко Д.А., Ноянзина О.Е., Атясова Н.Ю. — Конативный компонент религиозной идентичности населения приграничных регионов России // Социодинамика. – 2023. – № 11. DOI: 10.25136/2409-7144.2023.11.69050 EDN: MTPWFK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69050

Конативный компонент религиозной идентичности населения приграничных регионов России

Максимова Светлана Геннадьевна

ORCID: 0000-0002-4613-4966

доктор социологических наук

профессор, заведующая кафедрой, кафедра социальной и молодежной политики, Алтайский государственный университет

656049, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, оф. 515

✉ svet-maximova@yandex.ru

Суртаева Ольга Валерьевна

ORCID: 0000-0002-6535-2838

кандидат социологических наук

доцент, кафедра социальной и молодежной политики, Алтайский государственный университет

656049, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, оф. 515

✉ bubuka_s@mail.ru

Омельченко Дарья Алексеевна

ORCID: 0000-0002-2839-5070

кандидат социологических наук

доцент, кафедра социальной и молодежной политики, Алтайский государственный университет

656049, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, оф. 515

✉ daria.omelchenko@mail.ru

Ноянзина Оксана Евгеньевна

ORCID: 0000-0002-1252-6021

кандидат социологических наук

Начальник информационно-аналитического отдела ГИВЦ, Министерство культуры Российской Федерации

105066, Россия, г. Москва, ул. Старая Басманная, 19/1

✉ noe@list.ru

Атясова Наталья Юрьевна

ORCID: 0000-0001-9022-4320

кандидат социологических наук

научный сотрудник отдела сопровождения научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ, Алтайский государственный университет

656049, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, оф. 515

✉ kaiser.natasha@gmail.com

[Статья из рубрики "Социальные исследования и мониторинг"](#)**DOI:**

10.25136/2409-7144.2023.11.69050

EDN:

MTPWFK

Дата направления статьи в редакцию:

17-11-2023

Дата публикации:

24-11-2023

Аннотация: Исследования религиозности населения приобрели высокую актуальность в настоящее время. Несмотря на общее снижение институциональной религиозной принадлежности в мире, религия выступает одной из ключевых детерминант формирования мировоззрения, а религиозная идентичность рассматривается как один из базовых компонентов содержания социальной идентичности. В современном мультикультурном мире растущий миграционный обмен трансформирует исторически сложившуюся этно-конфессиональную и социо-демографическую структуру местных сообществ, что может создавать угрозу усилению межгрупповой напряженности. Особенно остро эти угрозы встают перед приграничными региональными социумами, где миграционные процессы характеризуются более высокой интенсивностью, а состав населения более неоднороден, включая религиозные мировоззрение и практики. Цель исследования – проанализировать особенности конативного (поведенческого) компонента религиозной идентичности населения четырех приграничных регионов России (Республика Алтай, Республика Тыва, Алтайский край и Новосибирская область).

Исследование было проведено в 2022 году (N = 1862) методом онлайн-опроса. На основе самооценок религиозности респондентов и методики Huber S. «Шкала центральности религиозности» с использованием двухэтапного кластерного анализа построена типология респондентов по уровню выраженности религиозности. В статье представлены логистические модели, характеризующие поведенческий компонент религиозной идентичности населения приграничных регионов. Выявлено, что религиозное поведение населения приграничных регионов синкретично и сочетает в себе как собственно религиозные обряды и действия, предписываемые исповедуемой религией, так и псевдорелигиозные практики. Региональная специфика проявилась в следующем: для населения Алтайского края и Новосибирской области более характерна утилитаристская мотивация при совершении религиозных практик, религиозное поведение населения Республики Алтай характеризуется эклектичным сочетанием религиозных и псевдорелигиозных практик. Религиозное поведение населения Республики Тыва проявляется в участии в религиозных обрядах, предписываемых

исповедуемой религией, стремлении советоваться со служителем культа и получать от него благословение в важных жизненных ситуациях. Исследование акцентирует внимание на необходимости понимания региональной специфики религиозного поведения населения приграничных регионов России. Результаты могут быть использованы федеральными и региональными органами власти при формировании и реализации политики в области межконфессиональных и межнациональных отношений, а также некоммерческими организациями, реализующим проекты, направленные на укрепление межнациональных и межконфессиональных отношений в российских регионах.

Ключевые слова:

религия, религиозная идентичность, религиозное поведение, приграничные регионы, моделирование, логистическая регрессия, Алтайский край, Республика Алтай, Республика Тыва, Новосибирская область

Публикация подготовлена в рамках проекта РНФ № 22-28-01120 «Модели конструирования религиозной идентичности в приграничных регионах России: институциональные механизмы, стратегии и практики» (2022-2023).

Введение. В последние несколько десятилетий наблюдается стойкий интерес к исследованиям на стыке религиоведения, социологии и психологии, а вопросы, ранее относившиеся к компетенции теологов и философов, теперь решаются с помощью методологических инструментов социальных и биологических наук [\[1\]](#). Проводится большое количество междисциплинарных исследований, связанных с проблемами религии и религиозности [\[2-4\]](#).

При этом сложно сделать однозначные выводы из имеющихся в настоящее время эмпирических данных об изменении доли приверженцев различных религиозных традиций, а также о прогнозах ее изменения на ближайшие десятилетия. Также нелегко количественно оценить долю нерелигиозного населения (так называемых неверующих), агностиков или атеистов, а также трансформацию их численности и соотношения. Тем не менее, среди специалистов, похоже, существует определенный консенсус в следующем: мы наблюдаем снижение институциональной религиозной принадлежности в мировых религиях. Это особенно касается населения в Западной Европе и Китае, западных ученых и интеллектуалов, а также молодых поколений во всем мире [\[5\]](#). При первом приближении эмпирическое уменьшение институциональной религиозной принадлежности может быть легко отождествлено с развитием процессов секуляризации, однако за этим может стоять и более сложный и неоднозначный процесс, поскольку недовольство религиозными институтами не всегда ведет к исчезновению религиозного опыта. Более того, такое недовольство может инициировать трансформацию религиозных институтов.

Для многих людей религия функционирует как важный набор представлений о мире, посредством которых они интерпретируют свою реальность и придают смысл своей жизни [\[6-9\]](#). Отвечая на самые сложные вопросы, религиозное мировоззрение влияет на множество психологических процессов в дополнение к базовым представлениям о себе и мире, включая ожидания, цели, мотивы и эмоции [\[10\]](#). Например, многие системы религиозных верований дают людям чувство уверенности в важном экзистенциальном

вопросе о том, что происходит с нами после смерти [11]. Более религиозные люди менее склонны использовать психологические защитные механизмы для совладания со страхом смерти [12-14]. Кроме того, религия дает общее приятное чувство уверенности и контроля над повседневностью [15-17]. Религиозность также приносит пользу людям, объединяя их с другими людьми [18], соединяя их с заботливыми и внимательными сверхъестественными существами [19-21], и предоставляя им возможность чувствовать себя лучше [22]. Таким образом, религиозное мировоззрение выполняет важные психологические функции.

Однако этим преимуществам религиозного мировоззрения могут угрожать другие люди, которые поддерживают альтернативные мировоззрения, что приводит к межконфессиональной напряженности. Для человека с сильно выраженным религиозным мировоззрением простое понимание того, что другие люди верят во что-то совершенно иное, представляет угрозу, поскольку это некоторым образом предполагает, что его убеждения могут быть ошибочными [23], а чем менее совместимо мировоззрение аутгруппы с нашим собственным, тем большую угрозу представляет эта аутгруппа. Эта проблема особенно актуальна для приграничных регионов России, где духовные и религиозные практики населения более разнообразны вследствие более интенсивных миграционных процессов, менее стабильной социально-экономической ситуации и усиления социальной дифференциации [24]. Всё это сказывается на социальном благополучии населения приграничных регионов, создавая риски социальной напряженности.

В связи с вышесказанным, целью настоящей статьи выступает анализ специфики и роль конативного компонента в формировании религиозной идентичности населения приграничных регионов Российской Федерации.

Обзор литературы. Религия – один из важнейших маркеров групповой идентичности, принадлежность к религиозной группе вызывает у ее членов чувство уверенности и включенности в социальный контекст [25]. В современном мультикультурном мире значимость религии и религиозности чрезвычайно возросла. Растущий миграционный обмен существенно меняет исторически сложившийся религиозный состав местных сообществ, и некоторые исследователи утверждают, что это изменение усилило межгрупповую напряженность по религиозному признаку [26].

Поскольку религиозную идентичность можно считать одним из важнейших маркеров социальной дифференциации, понимание движущих сил религиозной идентификации и последствий этих процессов для социума имеет решающее значение. Так, например, во многих работах показано, что доверие и социальная сплоченность ниже в сообществах с высоким разнообразием социальных характеристик [27-31]. Хотя ожидается, что возрастающая социальная неоднородность со временем создаст возможности для межгрупповых контактов, которые смягчат первоначально негативные условия для формирования доверия и социальной сплоченности [32; 33], в некоторых исследованиях было показано, что в краткосрочной перспективе увеличение религиозного разнообразия связано с более низким обобщенным доверием к другим [34]. Отсутствие доверия и социальной сплоченности в социально разнородных сообществах связано и с другими негативными последствиями, такими как конфликты [35], низкий экономический рост [36] и низкая доступность социальных благ [37].

Авторы теории социальной идентичности [\[38; 39\]](#) полагают, что социальная неоднородность может привести к тому, что люди будут сильнее идентифицировать себя с другими членами своей группы (например, религиозной или этнической), а не с членами общества в более широком смысле. Это может ограничить развитие какой-либо общей доминирующей идентичности (например, государственной), что могло бы способствовать развитию социальной сплоченности. Особенно остро все эти проблемы могут проявляться в приграничных регионах, где состав населения наиболее неоднороден в связи с интенсивными процессами миграционного обмена, поэтому для таких регионов особенно важны исследования, направленные на анализ особенностей процессов формирования и развития разных типов социальной идентичности, в том числе, и религиозной.

Как и любой другой вид идентичности, религиозная идентичность включает в себя ряд структурных компонентов: когнитивный (познавательный), аксиологический (ценностно-нормативный), аффективный (эмоционально-чувственный) и конативный (поведенческий, деятельностно-инструментальный), анализу которого и посвящена эта статья. Данное исследование позволит предложить научному сообществу эмпирически обоснованные модели, характеризующие взаимосвязь религиозности и поведенческих проявлений религиозной идентичности населения приграничных регионов Российской Федерации.

Материалы и методы. Исследование проводилось в 2022 году (N = 1868) в четырёх регионах Сибирского Федерального округа (Республика Алтай, Республика Тыва, Алтайский край и Новосибирская область). Отбор регионов определялся спецификой социокультурных особенностей, отражающих религиозную композицию пространства региона, а также особенностями этно-демографического состава населения, проживающего на этих территориях. Для каждого региона была рассчитана квотная выборка, котируемые признаками в которой выступали пол, возраст и место проживания респондентов (городское или сельское поселение). Первичная эмпирическая информация собиралась посредством метода онлайн-опроса. Репрезентативность данных обеспечивалась контролем квот, а также диверсификацией способов рекрутинга респондентов (персональные рассылки по электронной почте и социальным сетям, размещение информации на публичных виртуальных площадках и в официальных источниках).

В четырех регионах приняло участие 1868 человек в возрасте от 15 до 70 лет, средний возраст респондентов составил 40,1 года. В Алтайском крае было опрошено 498 человек, в Новосибирской области – 448 человек, в Республике Алтай – 439 человек и в Республике Тыва – 246 человек. Возрастная структура выглядела следующим образом: в возрасте 15-30 лет опрошено 32,7% населения, 31-49 лет – 38,5%, 50 лет и старше – 28,8% населения.

Первоначально была построена типология респондентов по уровню выраженности религиозности. Для получения надежного результата были использованы объективные и субъективные оценки религиозности. В качестве субъективного параметра выступала самооценка респондентом собственной религиозности по шкале от 0 до 10, вне зависимости от того, считает ли себя респондент последователем какой-то конкретной религии. В качестве объективного параметра применялась методика «Шкала центральности религиозности» (Huber S., Huber O.W., 2012, The Centrality of Religiosity Scale, CRS), при помощи которой оценивается центральность, важность или выраженность религиозных смыслов для личности [\[40\]](#). Индекс основан на интеграции пяти структурных компонентов религиозности – интеллектуального, идеологического,

публичных религиозных практик, личных религиозных практик и религиозного опыта (тестовая норма для России составляет 2,45 балла).

Шкала применялась в версии CRSI-20, поскольку в регионах, охваченных исследованием, проживают представители не только авраамических религий с монотеистической концепцией Бога, но и представители восточных религиозных традиций (например, буддизма), а также архаических верований (например, шаманизма).

Типология респондентов по уровню выраженности религиозности была построена на основе описанных выше двух параметров при помощи двухэтапного кластерного анализа, в результате чего было достигнуто хорошее качество классификации: среднее значение силуэтной меры связности и разделения кластеров составило 0,7. Важность предиктора «центральность религиозности» составила 1,00, а важность предиктора «самооценка религиозности» – 0,98. В качестве меры расстояния между объектами использовалось Евклидово расстояние, поскольку все переменные, подвергнутые анализу, были непрерывными.

Первый кластер размером 673 наблюдения (39,4% от всей выборки) включал в себя респондентов, которые по шкале центральности религиозности набрали 3,52 балла из 5 возможных, а средняя самооценка религиозности составила для них 7,04 балла. Очевидно, что этот кластер включает в себя респондентов с сильно выраженной религиозностью.

Второй кластер размером 1033 наблюдения (60,6% от всей выборки) включал в себя респондентов, которые по шкале центральности религиозности набрали 2,03 балла из 5 возможных, а средняя самооценка религиозности составила для них 2,60 балла. Следовательно, этот кластер объединяет людей со слабо выраженной религиозностью.

Полученная типология респондентов в дальнейшем использовалась в качестве зависимой переменной при построении регрессионных моделей.

Для сравнительной оценки степени влияния различных ритуальных и обрядовых действий и псевдорелигиозных практик, к которым прибегает население приграничных регионов, на уровень выраженности интегрального показателя религиозности был проведен регрессионный анализ методом бинарной логистической регрессии. В качестве зависимой переменной в регрессионной модели был использован показатель уровня выраженности религиозности, полученный на предыдущем этапе при помощи двухэтапного кластерного анализа. Этот показатель имел две градации: 0 = «слабо выраженная религиозность», 1 = «сильно выраженная религиозность». Для построения регрессионной модели в качестве предикторов были использованы следующие показатели.

Совершение ритуальных и обрядовых действий:

1. Ношение религиозных символов или предметов одежды.
2. Использование священных изображений и предметов в качестве оберегов.
3. Посещение одного и того же священника, наличие духовника.
4. Получение благословения, совета в важных жизненных решениях от священника.
5. Участие в церковных шествиях, крестных ходах, поклонении мощам.

6. Обращение за помощью к служителям церкви для освящения дома, автомобиля, офиса и пр.

Совершение псевдорелигиозных практик:

1. Обращение к экстрасенсам, целителям.

2. Обращение к магам.

3. Вера в приметы и следование им.

4. Обращение к Вселенной за исполнением желаний.

5. Участие в виртуальных семинарах, марафонах, посвященных улучшению жизни, обретению счастья.

6. Обращение к астрологам.

Все предикторы представляли собой дихотомические переменные, отражающие присутствие или отсутствие в жизни респондента перечисленных практик и действий.

Описанная методика позволила построить общую регрессионную модель для приграничных регионов в целом, а также смоделировать взаимосвязь религиозности и поведенческих проявлений религиозной идентичности в Республике Алтай, Республике Тыва, Алтайском крае и Новосибирской области как специфических по составу населения регионах.

Результаты исследования.

Религиозная идентичность граждан России в современных условиях трансформируется под влиянием социокультурных процессов, имеющих глобальный характер, часто принимает индивидуализированные формы и сочетается с практиками возрождения интереса к религии и ее охранительными, компенсаторными функциями в условиях неопределенности. Представления о религиозности и духовности меняются и приобретают новые значения и смыслы в свете изменяющихся социальных отношений между верующими и неверующими, возникающих новых практик и религиозных организаций, деятельности традиционных религий по сохранению своих ценностей и приверженцев.

Среди населения четырех приграничных регионов не считают себя верующими только треть опрошенных жителей (в совокупности 31%), все прочие относят себя к последователям той или иной религии, верования либо являются носителями размытой религиозной идентичности. В целом, население приграничья тяготеет к православию (36%), однако в региональном преломлении выражены существенные дифференциации религиозной мозаики. Так в Алтайском крае и Новосибирской области схожая религиозная картина с преобладанием православного населения: в Алтайском крае 51%, а в Новосибирской области – 37% населения считают себя православными верующими. В этнических республиках приграничья доли неверующих меньше, однако в Республике Тыва их доля минимальная – всего 9%, в этом смысле Тыва более отлична от других охваченных исследованием территорий своей традиционностью, погруженностью в духовное пространство жизни. И, если в Республике Алтай, наряду с православными, которые также составляют большинство (36%), широко представлена так называемая «алтайская вера» (бурханизм) (16%), то в Тыве православных всего 5%, а доминантами в религиозной сфере являются ориентиры шаманизма (52%), либо

его сочетания с буддизмом (16%). Основное количество верующих в Тыве являются буддистами и шаманистами одновременно, прибегают к духовной помощи и ламы, и шамана, что сохраняет уже сформированный и сохраняющийся феномен синкретизма шаманизма и буддизма в Тыве.

Культовое или сопряженное с религиозными взглядами поведения: в совокупности почти пятая часть жителей приграничья (19,9%) имеют опыт совершения религиозных паломничеств, путешествий к святым местам в религиозных целях, а еще 15,2% имеют стремление к сакральному путешествию. Больше всего жителей с таким опытом в Республике Тыва – 38,8%, существенно меньше в Республике Алтай – 19,7%, а в Алтайском крае и Новосибирской области – примерно на одном уровне – 14,4% и 13,4% соответственно.

Оценивая поведенческий компонент религиозности, было выявлено, что средние оценки выраженности публичных религиозных практик более низки, это, возможно, и отражает реальную действительность – с одной стороны, далеко не все религиозные предписания требуют публичности религиозной жизни, опираясь на совершение таинств, медитацию, духовность и праведную (у буддистов – правильную) жизнь, и т.п., с другой – стороны, мы живем в секулярном обществе, в котором приоритетны социальные ритуалы: важность принадлежности к религиозной общине в целом в четырех регионах выражена на уровне 2,07 балла, значимость участия в религиозных службах – 2,12 балла, частота участия в них – на низком уровне в 1,98 балла. Сделан вывод о том, что по критерию публичных религиозных практик население всех четырех сибирских регионов сложно назвать религиозным, так, только 5,4% всех опрошенных имеют высокие показатели религиозности по данному компоненту, 63,7% участников исследования можно отнести к группе нерелигиозных и только чуть менее трети – 30,9% – к религиозной части населения. Хотя, конечно же, такой вывод весьма условен, так как публичная демонстрация веры (пусть и в рамках ритуальных действий) в меньшей степени входит в состав элементов религиозных культов, определяющих соответствие верующего религиозным канонам. Распределение групп населения, дифференцированных по выраженности публичных религиозных практик в Алтайском крае и Республике Алтай схоже: треть религиозного населения и более 60% нерелигиозного, хотя доля высокорелигиозного населения в Республике Алтай в полтора раза выше, чем в Алтайском крае (7% против 4,5%). Республика Тыва и Новосибирская область в этом смысле являются зеркальными отражениями друг друга: в области абсолютно преобладает нерелигиозная часть населения – 80,4%, а в республике – религиозная (63,8%).

В отличие от публичных религиозных действий, личные религиозные практики в целом выражены на среднем уровне 2,53 балла, в Республике Тыва ожидаемо зафиксирована максимальная выраженность, на второй позиции Республика Алтай, на третьей Алтайский край, а наименьшие средние значения – в Новосибирской области. И по данному компоненту Тыва продолжает демонстрировать большую значимость религиозности и религиозных практик в духовной жизни своих жителей, а Новосибирская область – ориентиры светских жителей секулярного государства, Республика Алтай и Алтайский край демонстрируют срединное положение, тяготея, первая – к позиции Республики Тыва, а вторая – к ориентирам и ценностям населения Новосибирской области. В рамках общего распределения для всех четырех регионов по компоненту личных религиозных практик лишь 8,2% жителей приграничья демонстрируют высокорелигиозную модель личной жизни, тогда как более половины можно отнести к категории религиозных, и, более трети – нерелигиозных в частной жизни индивидов.

Далее были построены регрессионные модели, позволяющие продемонстрировать роль конативного компонента в формировании религиозной идентичности населения приграничных регионов России.

Регрессионная модель для приграничных регионов России была построена на базе 1599 наблюдений, что составило 85,9% от всей выборки исследования. Модель была получена на основе обратного условного пошагового метода включения переменных, наилучшее качество модели достигнуто на пятом шаге ($\chi^2=576,19$, $p<0,001$). Доля совокупной дисперсии, описываемой построенной моделью, составила 41,1% (Nagelkerke R Square=0,411). Построенная модель позволяет корректно классифицировать 77,5% респондентов, причем корректность классификации несколько выше для подгруппы респондентов со слабо выраженной религиозностью (83,8%), чем для респондентов с сильно выраженной религиозностью (67,3%). Таким образом, полученное решение позволяет не только охарактеризовать влияние ритуальных и обрядовых действий и псевдорелигиозных практик на уровень религиозности населения, но и достаточно корректно прогнозировать степень религиозности населения на основе приверженности тем или иным практикам.

В Таблице 1 приведены данные о статистической значимости предикторов, включенных в анализ (Знач.) и статистика Вальда для каждой переменной (Вальд), нестандартизированные (В) и стандартизированные коэффициенты регрессионного уравнения (Exp (В)).

Таблица 1. Результаты регрессионного анализа, общая выборка

Предиктор / Predictor	В	Вальд / Wald	Знач. / Sig.	Exp (В)
Ношение религиозных символов или предметов одежды / Wearing religious symbols or clothes	1,085	59,486	0,001	2,960
Использование священных изображений и предметов в качестве оберегов / Using sacred images or items as amulets	0,981	50,836	0,001	2,666
Посещение одного и того же священника, наличие духовника / Communicating with the same priest or spiritual father	1,065	21,948	0,001	2,902
Получение благословения, совета в важных жизненных решениях от священника / Receiving the blessing or advice for important life decision from the priest	0,883	16,103	0,001	2,417

Участие в церковных шествиях, крестных ходах, поклонении мощам / Participating in church processions, processions to the cross, worship of relics	1,026	17,093	0,001	2,791
Обращение к магам / Appealing to a magician	0,755	21,457	0,001	2,128
Вера в приметы и следование им / Believing in and following omens	0,399	8,121	0,004	1,491
Обращение к Вселенной за исполнением желаний / Appealing to the Universe for execution of desires	0,276	3,996	0,046	1,318
Константа / Intercept	-2,274	285,554	0,001	0,103

На основе стандартизованных коэффициентов проведем оценку влияния каждого предиктора на уровень религиозности населения приграничных регионов Российской Федерации. Учитывать будем все коэффициенты, поскольку уровень значимости во всех случаях составил менее 0,05.

К ключевым предикторам высокой религиозности населения приграничных регионов Российской Федерации можно отнести ношение религиозных символов или предметов одежды, которое увеличивает вероятность попадания в подгруппу с высокой религиозностью в 2,960 раза, и посещение респондентом одного и того же священника, наличие у него духовника, которое увеличивает вероятность попадания в подгруппу с высокой религиозностью в 2,902 раза. На втором месте по степени влияния на религиозность населения оказались такие поведенческие практики как участие в церковных шествиях, крестных ходах, поклонении мощам, что в 2,791 раза увеличивает вероятность попадания респондента в подгруппу с высокой религиозностью, а также использование священных изображений и предметов в качестве оберегов, увеличивающее вероятность попадания респондента в подгруппу с высокой религиозностью в 2,666 раза. Если респондент обращался за советом или получением благословления от священника в важных жизненных решениях, это в 2,417 раза увеличивает вероятность его попадания в подгруппу населения с высокой религиозностью. В то же время, полученная модель показала, что некоторые псевдорелигиозные практики также характерны для населения с высокой религиозностью, проживающего в приграничных регионах России: так, обращение респондента к магам в 2,128 раза увеличивает вероятность того, что он попадет в подгруппу высокорелигиозных, вера респондента в приметы и следование им в 1,491 раза повышает вероятность принадлежности к подгруппе с высокой религиозностью, а обращение к Вселенной за исполнением желаний – в 1,318 раза.

Поскольку регионы, охваченные исследованием, с одной стороны, представляют собой один макроэкономический регион (Сибирский федеральный округ) и по своему географическому положению относятся к приграничным регионам, но с другой стороны, как было уже сказано выше, отличаются друг от друга по этнодемографическому, социокультурному, конфессиональному составу населения, проанализируем регрессионные модели в региональном разрезе.

Так, для Алтайского края регрессионная модель была построена на базе 476 наблюдений. Модель была получена на основе обратного условного пошагового метода включения переменных, наилучшее качество модели достигнуто на шестом шаге ($\chi^2=175,166$, $p<0,001$). Доля совокупной дисперсии, описываемой построенной моделью, составила 42,3% (Nagelkerke R Square=0,423). Регрессионная модель позволяла корректно классифицировать 80,0% респондентов, корректность классификации была выше для подгруппы респондентов со слабо выраженной религиозностью (85,4%), нежели для респондентов с сильно выраженной религиозностью (70,2%).

В Таблице 2 приведены основные параметры регрессионной модели. Оценку влияния каждого предиктора на уровень религиозности населения Алтайского края проведена на основе стандартизованных коэффициентов регрессионного уравнения Exp (B), учитывая все коэффициенты, поскольку ни у одного из них уровень значимости не превышает 0,05.

Таблица 2. Результаты регрессионного анализа, Алтайский край

Предиктор / Predictor	B	Вальд / Wald	Знач. / Sig.	Exp (B)
Ношение религиозных символов или предметов одежды / Wearing religious symbols or clothes	0,929	12,798	0,001	2,532
Использование священных изображений и предметов в качестве оберегов / Using sacred images or items as amulets	1,195	20,558	0,001	3,305
Посещение одного и того же священника, наличие духовника / Communicating with the same priest or spiritual father	0,989	6,261	0,012	2,687
Участие в церковных шествиях, крестных ходах, поклонении мощам / Participating in church processions, processions to the cross, worship of relics	1,149	7,696	0,006	3,155
Обращение за помощью к служителям церкви для освящения дома, автомобиля, офиса и пр. / Appealing to the priests for house, car, office etc. blessing	0,730	6,309	0,012	2,076
Обращение к Вселенной за исполнением желаний / Appealing to the Universe for execution of desires	0,555	5,072	0,024	1,741
Участие в виртуальных семинарах, марафонах, посвященных улучшению жизни, обретению счастья / Participating in virtual workshops on better and happy life	0,850	6,108	0,013	2,339
Константа / Intercept	-2,605	101,195	0,000	0,074

Наиболее важные предикторы высокой религиозности населения Алтайского края – это использование священных изображений и предметов в качестве оберегов, повышающее вероятность попадания в подгруппу с высокой религиозностью в 3,305 раза, и участие в

церковных шествиях, крестных ходах, поклонении мощам, повышающее вероятность попадания в подгруппу с высокой религиозностью в 3,155 раза. Второе место по степени важности занимают такие предикторы как посещение одного и того же священника, наличие духовника, которое увеличивает вероятность попадания в подгруппу с высокой религиозностью в 2,687 раза, а также ношение религиозных символов или предметов одежды, практикуя которое респондент в 2,532 раза увеличивает вероятность своего попадания в подгруппу высокорелигиозных. Если респондент участвует в виртуальных семинарах, марафонах, посвященных улучшению жизни, обретению счастья, он в 2,339 раза вероятнее будет относиться к респондентам с высокой религиозностью. Обращение за помощью к служителям церкви для освящения дома, автомобиля, офиса и пр. в 2,076 раза увеличивает вероятность попадания респондента в подгруппу с высокой религиозностью, а обращение к Вселенной за исполнением желаний увеличивает эту вероятность в 1,741 раза.

Регрессионная модель для Республики Алтай строилась на основе 416 наблюдений с использованием обратного условного пошагового метода включения переменных. Наилучшее качество модели достигнуто на шестом шаге ($\chi^2=124,827$, $p<0,001$). Доля совокупной дисперсии, описываемой построенной моделью, составила 34,7% (Nagelkerke R Square=0,347). Регрессионная модель позволяла корректно классифицировать 70,4% респондентов, корректность классификации была выше для подгруппы респондентов со слабо выраженной религиозностью (74,1%), чем для респондентов с сильно выраженной религиозностью (66,0%).

В Таблице 3 приведены основные параметры регрессионной модели. Оценка влияния каждого предиктора на уровень религиозности населения Республики Алтай проведена на основе стандартизованных коэффициентов регрессионного уравнения Exp (B), учитывая все коэффициенты, поскольку они обладают высоким уровнем статистической значимости ($p\leq 0,05$).

Таблица 3. Результаты регрессионного анализа, Республика Алтай

Предиктор / Predictor	B	Вальд / Wald	Знач. / Sig.	Exp (B)
Ношение религиозных символов или предметов одежды / Wearing religious symbols or clothes	1,102	16,427	0,001	3,011
Использование священных изображений и предметов в качестве оберегов/ Using sacred images or items as amulets	0,534	4,073	0,044	1,705
Посещение одного и того же священника, наличие духовника / Communicating with the same priest or spiritual father	1,701	12,923	0,001	5,479
Получение благословения, совета в важных жизненных решениях от священника / Receiving the blessing or advice for important life decision from the priest	0,990	5,118	0,024	2,691

Обращение к магам / Appealing to a magician	0,611	4,602	0,032	1,843
Вера в приметы и следование им / Believing in and following omens	0,544	4,384	0,036	1,722
Обращение к Вселенной за исполнением желаний / Appealing to the Universe for execution of desires	0,586	5,326	0,021	1,796
Константа / Intercept	-2,057	57,145	0,001	0,128

Ключевой предиктор высокой религиозности населения Республики Алтай – посещение одного и того же священника, наличие духовника, практикуя которое респондент в 5,479 раза повышает вероятность своего попадания в подгруппу высокорелигиозных. Если респондент носит религиозные символы или предметы одежды, это в 3,011 раза повышает вероятность его попадания в подгруппу с сильно выраженной религиозностью. Обращение за получением благословения или совета в важных жизненных решениях от священника в 2,691 раза увеличивает вероятность того, что респондент относится к подгруппе с высокой религиозностью. Кроме этого, вероятность попасть в подгруппу с выраженной религиозностью для респондентов из Республики Алтай увеличивают следующие практики: обращение к магам в 1,843 раза; обращение к Вселенной за исполнением желаний в 1,796 раза; вера в приметы и следование им в 1,722 раза и использование священных изображений и предметов в качестве оберегов в 1,705 раза.

Для Республики Тыва регрессионная модель была построена на базе 239 наблюдений на основе обратного условного пошагового метода включения переменных, на девятом шаге было достигнуто наилучшее качество модели ($\chi^2=68,027$, $p<0,001$). Доля совокупной дисперсии, описываемой построенной моделью, составила 33,2% (Nagelkerke R Square=0,332), при этом модель корректно классифицировала 73,2% респондентов, а корректность классификации была выше для подгруппы респондентов с сильно выраженной религиозностью (80,6%), чем для респондентов со слабо выраженной религиозностью (63,8%).

В Таблице 4 приведены основные параметры регрессионной модели. Оценка влияния каждого предиктора на уровень религиозности населения Республики Алтай проведена на основе стандартизованных коэффициентов регрессионного уравнения Exp (B), все коэффициенты обладают высоким уровнем статистической значимости ($p\leq 0,05$).

Таблица 4. Результаты регрессионного анализа, Республика Тыва

Предиктор / Predictor	B	Вальд / Wald	Знач. / Sig.	Exp (B)
Ношение религиозных символов или предметов одежды / Wearing religious symbols or clothes	0,839	4,116	0,042	2,313
Использование священных изображений и предметов в качестве оберегов/ Using sacred images or items as amulets	1,093	11,186	0,001	2,985

Получение благословения, совета в важных жизненных решениях от священника / Receiving the blessing or advice for important life decision from the priest	1,035	6,747	0,009	2,816
Участие в церковных шествиях, крестных ходах, поклонении мощам / Participating in church processions, processions to the cross, worship of relics	1,497	3,422	0,050	4,470
Константа / Intercept	-0,930	17,695	0,000	0,395

Так, респонденты из Республики Тыва, участвующие в церковных шествиях, крестных ходах, поклонении мощам, имеют в 4,470 раза более высокие шансы попасть в подгруппу населения с высокой религиозностью. Если респондент использует священные изображения и предметы в качестве оберегов, это в 2,985 раза увеличивает вероятность его попадания в подгруппу высокорелигиозных. Респонденты, стремящиеся получить от священника благословение или советы в важных жизненных ситуациях, в 2,816 раза увеличивают вероятность своего попадания в подгруппу с выраженной религиозностью, а ношение религиозных символов или предметов одежды увеличивает эту вероятность в 2,313 раза.

Регрессионная модель для Новосибирской области строилась на основе 440 наблюдений с использованием обратного условного пошагового метода включения переменных. Наилучшее качество модели было достигнуто на шестом шаге ($\chi^2=193,490$, $p<0,001$). Доля совокупной дисперсии, описываемой построенной моделью, составила 52,4% (Nagelkerke R Square=0,524), при этом модель позволяла корректно классифицировать 86,1% респондентов. Корректность классификации была выше для подгруппы респондентов со слабо выраженной религиозностью (93,0%), чем для респондентов с сильно выраженной религиозностью (66,1%).

В Таблице 5 приведены основные параметры регрессионной модели. Оценка влияния каждого предиктора на уровень религиозности населения Новосибирской области проведена на основе стандартизованных коэффициентов регрессионного уравнения Exp (B), учитывая все коэффициенты, поскольку все они характеризуются высоким уровнем статистической значимости ($p\leq 0,05$).

Таблица 5. Результаты регрессионного анализа, Новосибирская область

Предиктор / Predictor	B	Вальд / Wald	Знач. / Sig.	Exp (B)
Ношение религиозных символов или предметов одежды / Wearing religious symbols or clothes	1,698	26,615	0,000	5,463

Использование священных изображений и предметов в качестве оберегов / Using sacred images or items as amulets	0,973	8,956	0,003	2,647
Посещение одного и того же священника, наличие духовника/ Communicating with the same priest or spiritual father	1,702	4,226	0,040	5,484
Участие в церковных шествиях, крестных ходах, поклонении мощам / Participating in church processions, processions to the cross, worship of relics	1,487	7,469	0,006	4,423
Обращение к экстрасенсам, целителям / Appealing to extrasenses, healers	0,728	3,615	0,049	2,071
Вера в приметы и следование им / Believing in and following omens	0,614	3,402	0,050	1,848
Константа / Intercept	-3,001	103,351	0,000	0,050

К ключевым предикторам высокой религиозности населения Новосибирской области относится посещение одного и того же священника, наличие духовника, практикуя которое респондент в 5,484 раза повышает вероятность своего попадания в подгруппу высокорелигиозных, а также ношение религиозных символов или предметов одежды, увеличивающее вероятность попадания респондента в подгруппу с высокой религиозностью в 5,463 раза. Респонденты, участвующие в церковных шествиях, крестных ходах, поклонении мощам, имеют в 4,423 раза более высокую вероятность оказаться в подгруппе высокорелигиозных. Если же респондент использует священные изображения и предметы в качестве оберегов, это в 2,647 раза увеличивает вероятность того, что он будет иметь высокую религиозность. Кроме этого, обращение к экстрасенсам, целителям в 2,071 раза и вера в приметы и следование им в 1,848 раза увеличивает вероятность для респондента, демонстрирующего подобное поведение, оказаться в подгруппе с выраженной религиозностью.

Обсуждение и заключение.

В результате исследования было выявлено, что в целом по выборке поведенческий компонент религиозной идентичности населения приграничных регионов России проявляется в следующих практиках: религиозное население стремится носить религиозные символы или предметы одежды, иметь «своего» служителя культа (что проявляется в стремлении обращаться к одному и тому же священнику, в том числе, для получения напутствий и благословений при принятии важных решений), участвовать в предписанных своей религией религиозных обрядах и использовать священные предметы как обереги. Однако поведение религиозного населения приграничных регионов России не ограничивается только собственно религиозными обрядами и культовыми действиями, оно включает в себя и псевдорелигиозные практики, такие как

посещение магов, следование приметам и попытки исполнить свои желания посредством практик обращения к Вселенной. Можно сделать вывод, что религиозное поведение населения обследованных регионов синкретично и включает в себя не только практики, предписываемые исповедуемой религией, но и практики, характерные для эзотерических учений.

В результате анализа региональной специфики конативного компонента религиозной идентичности населения были сделаны следующие выводы. Религиозное поведение населения Алтайского края активнее всего проявляется в использовании священных предметов в качестве оберегов и участии в религиозных обрядах, предписанных исповедуемой религией. Также немаловажно для религиозного населения Алтайского края посещать одного и того же священника и носить религиозные символы или предметы одежды. В то же время, религиозное население Алтайского края практикует участие в виртуальных семинарах и марафонах, посвященных улучшению жизни и обретению счастья, обращается к служителям церкви для освящения жилища и вещей, которыми пользуется, и обращается к Вселенной за исполнением желаний. Как видим, население Алтайского края также демонстрирует синкретизм в своих религиозных практиках, кроме того, в них просматривается и утилитаристская мотивация.

Наиболее «яркая» черта религиозного поведения населения Республики Алтай – это стремление посещать одного и того же священника, иметь духовника. Кроме этого, религиозное население Республики Алтай стремится носить религиозные символы или предметы одежды и обращаться за советом или благословением к служителям культа. Однако религиозное население обсуждаемого региона также практикует и обращение к магам и Вселенной, верит в приметы и следует им, использует в качестве оберегов священные предметы и изображения. Вероятно, такое эклектичное сочетание разнообразных религиозных и псевдорелигиозных практик в поведении населения Республики Алтай связано со специфической религиозной палитрой региона, в которой присутствуют как многие мировые религии, так и разнообразные архаические верования. Кроме того, неугасающий интерес к Алтаю со стороны представителей разнообразных эзотерических учений также накладывает свой отпечаток на особенности религиозности населения этого региона.

Религиозное поведение населения Республики Тыва проявляется в участии в религиозных обрядах, предписываемых исповедуемой религией, использовании священных предметов как оберегов, стремлении советоваться со служителем культа и получать от него благословение, ношении религиозных символов и предметов одежды. Обращает на себя внимание тот факт, что для религиозного поведения населения Республики Тыва не характерно демонстрировать никаких псевдорелигиозных практик, в отличие от населения других охваченных исследованием регионов.

Поведение религиозного населения Новосибирской области включает в себя следующие практики: стремление посещать одного и того же священника и иметь духовника, носить религиозные символы или предметы одежды, участвовать в предписанных исповедуемой религией обрядах и использовать священные предметы как обереги. В то же время, религиозное население Новосибирской области может обращаться за помощью к экстрасенсам и целителям, а также верит в приметы и следует им.

Таким образом, в результате исследования были выявлены как общие тенденции, так и специфические характеристики, присущие поведенческому компоненту религиозной идентичности населения приграничных регионов Российской Федерации. В то же время, региональные сообщества гетерогенны как по этноконфессиональным, так и по

социодемографическим признакам. Анализ особенностей религиозного поведения социальных групп, выделяемых по этнической, конфессиональной и демографической принадлежности способствует более дифференцированной оценке особенностей религиозного поведения населения.

Библиография

1. Bulbulia, J., Slingerland, E. Religious studies as a life science // *Numen*. 2012. No. 59. Pp. 564–613. doi: <https://doi.org/10.1163/15685276-12341240>
2. Graham, J., Haidt, J. Beyond beliefs: Religions bind individuals into moral communities // *Personality and Social Psychology Review*. 2010. Vol. 14, issue 1. Pp. 140–150. doi: <https://doi.org/10.1177/1088868309353415>
3. Norenzayan, A., Shariff, A. The origin and evolution of religious prosociality // *Science*. 2008. Vol. 322, issue 5898. Pp. 58–62. doi: <https://doi.org/10.1126/science.1158757>
4. Sedikides, C., Gebauer, J.E. Religiosity as self-enhancement: A meta-analysis of the relation between socially desirable responding and religiosity // *Personality and Social Psychology Review*. 2010. Vol. 14, issue 1. Pp. 17–36. doi: <https://doi.org/10.1177/1088868309351002>
5. Pew Research Center. Being Christian in Western Europe. Washington, DC: Pew Research Center. URL: <https://www.pewresearch.org/religion/wp-content/uploads/sites/7/2018/05/Being-Christian-in-Western-Europe-FOR-WEB1.pdf> (дата обращения: 10.09.2023).
6. Baumeister, R. F. Meanings in life. New York, NY: Guilford Press, 1991. 426 p.
7. Durkheim, E. Elementary forms of religious life (J. W. Swain, Trans.). Glencoe, IL: Free Press, 1954. 535 p.
8. James, W. The varieties of religious experience. New York, NY: Penguin Books, 1982. 534 p.
9. Park, C.L. Religiousness/spirituality and health: A meaning systems perspective // *Journal of Behavioral Medicine*. 2007. No. 30. Pp. 319–328. doi: <https://doi.org/10.1007/s10865-007-9111-x>
10. Silberman, I. Religion as a meaning system: Implications for the new millennium // *Journal of Social Issues*. 2005. Vol. 61, issue 4. Pp. 641–663. doi: <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.2005.00425.x>
11. Vail, K.E., III Rothschild, Z.K., Weise, D.R., Solomon, S., Pyszczynski, T., Greenberg, J. A terror management analysis of the psychological functions of religion // *Personality and Social Psychology Review*. 2010. Vol. 14, issue 1. Pp. 84–94. doi: <https://doi.org/10.1177/1088868309351165>
12. Friedman, M., Rholes, W.S. Religious fundamentalism and terror management // *The International Journal for the Psychology of Religion*. 2008. Vol. 18, issue 1. Pp. 36–52. doi: <https://doi.org/10.1080/10508610701719322>
13. Jonas, E., Fischer, P. Terror management and religion: Evidence that intrinsic religiousness mitigates worldview defense following mortality salience // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2006. Vol. 91, issue 3. Pp. 553–567. doi: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.91.3.553>
14. Norenzayan, A., Dar-Nimrod, I., Hansen, I.G., Proulx, T. Mortality salience and religion: Divergent effects on the defense of cultural worldviews for the religious and the non-religious // *European Journal of Social Psychology*. 2009. Vol. 39, issue 3. Pp. 101–113. doi: <https://doi.org/10.1002/ejsp.482>
15. Hogg, M.A., Adelman, J.R., Blagg, R.D. Religion in the face of uncertainty: An

- uncertainty-identity theory account of religiousness // *Personality and Social Psychology Review*. 2010. Vol. 14, issue 1. Pp. 72–83. doi: <https://doi.org/10.1177/1088868309349692>
16. Inzlicht, M., Tullet, A.M. Reflecting on God: Religious primes can reduce neurophysiological response to errors // *Psychological Science*. 2010. Vol. 21, issue 8. Pp. 1184–1190. doi: <https://doi.org/10.1177/0956797610375451>
 17. Kay, A.C., Gaucher, D., McGregor, I., Nash, K. Religious belief as compensatory control // *Personality and Social Psychology Review*. 2010. Vol. 14, issue 1. Pp. 37–48. doi: <https://doi.org/10.1177/1088868309353750>
 18. Kinnvall, C. Globalization and religious nationalism: Self, identity, and the search for ontological security // *Political Psychology*. 2004. vol. 25, no. 5. Pp. 741–767. doi: <http://www.jstor.org/stable/3792342>
 19. Epley, N., Akalis, S., Waytz, A., Cacioppo, J.T. Creating social connection through inferential reproduction: Loneliness and perceived agency in gadgets, gods, and greyhounds // *Psychological Science*. 2008. Vol. 19, issue 2. Pp. 114–120. doi: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9280.2008.02056.x>
 20. Granqvist, P., Mikulincer, M., Shaver, P.R. Religion as attachment: Normative processes and individual differences // *Personality and Social Psychology Review*. 2010. Vol. 14, issue 1. Pp. 49–59. doi: <https://doi.org/10.1177/1088868309348618>
 21. Kirkpatrick, L.A. God as a substitute attachment figure: A longitudinal study of adult attachment style and religious change in college students // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1998. Vol. 24, issue 9. Pp. 961–973. doi: <https://doi.org/10.1177/0146167298249004>
 22. Crocker, J., Luhtanen, R.K., Cooper, M.L., Bouvrette, A. Contingencies of self-worth in college students: Theory and measurement // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2003. Vol. 85, issue 5. Pp. 894–908. doi: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.85.5.894>
 23. Hardin, C.D., Higgins, E.T. Shared reality: How social verification makes the subjective objective. In R.M. Sorrentino & E.T. Higgins (Eds.), *Handbook of Motivation and Cognition: Vol. 3. The interpersonal context* (pp. 28–84). New York, NY: Guilford Press, 1996.
 24. Saryglar, S.A., Shakhova, E.V., Borisova, O.V. Social Isolation and Demographic Problems of Border Territories: Theoretical Analysis and Application in Migration Studies. In: Maximova, S.G., Raikin, R.I., Chibilev, A.A., Silantyeva, M.M. (eds) *Advances in Natural, Human-Made, and Coupled Human-Natural Systems Research. Lecture Notes in Networks and Systems*. Vol 234. Springer, Cham, 2023. doi: https://doi.org/10.1007/978-3-030-75483-9_31
 25. Verkuyten, M., Yildiz, A.A. National (dis)Identification, and Ethnic and Religious Identity: A Study among Turkish-Dutch Muslims // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2007. Vol. 33, issue 10. Pp. 1448–1462. doi: <https://doi.org/10.1177/0146167207304276>
 26. Caldwell, C. *Reflections on the revolution in Europe*. Penguin, 2009. 384 p.
 27. Abascal, M., Baldassarri, D. Love thy neighbor? Ethnoracial diversity and trust reexamined // *American Journal of Sociology*. 2015. Vol. 121, No. 3. Pp. 722–782. doi: <https://doi.org/10.1086/683144>
 28. Beugelsdijk, S., Klasing, M. Diversity and trust: The role of shared values // *Journal of Comparative Economics*. 2016. Vol. 44, issue 3. Pp. 522–540. doi: <https://doi.org/10.1016/j.jce.2015.10.014>

29. Portes, A. Downsides of social capital // Proceedings of the National Academy of Sciences of the USA. 2014. Vol. 111, issue 52. Pp. 18407-18408. doi: <https://doi.org/10.1073/pnas.1421888112>
30. Putnam, R. Bowling alone: The collapse and revival of American community. New York: Simon & Schuster, 2000. 544 p.
31. Putnam, R. E pluribus unum: Diversity and community in the twenty-first century the 2006 Johan Skytte Prize Lecture // Scandinavian Political Studies. 2007. Vol. 30, issue 2. Pp. 137-174. doi: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9477.2007.00176.x>
32. Li, D., Ramos, M., Bennett, M.R., Massey, D., Hewstone, M. Does ethnic diversity affect wellbeing and allostatic load among people across neighbourhoods in England? // Health & Place. 2021. Vol. 68. doi: <https://doi.org/10.1016/j.healthplace.2021.102518>
33. Schmid, K., Al Ramiah, A., Hewstone, M. Neighborhood ethnic diversity and trust: The role of intergroup contact and perceived threat // Psychological Science. 2014. Vol. 25, issue 3. Pp. 665-674. doi: <https://doi.org/10.1177/0956797613508956>
34. Ramos, M.R., Bennett, M.R., Massey, D.S., Hewstone, M. Humans adapt to social diversity over time // Proceedings of the National Academy of Sciences of the USA. 2019. Vol. 116, issue 25. Pp. 12244-12249. doi: <https://doi.org/10.1073/pnas.1818884116>
35. Esteban, J., Mayoral, L., Ray, D. Ethnicity and conflict: Theory and facts // Science. 2012. Vol. 336, issue 6083. Pp. 858-865. doi: DOI: 10.1126/science.1222240
36. Easterly, W., Levine, R. Africa's growth tragedy: Policies and ethnic divisions // Quarterly Journal of Economics. 1997. Vol. 112, No. 4. Pp. 1203-1250. doi: <http://www.jstor.org/stable/2951270>
37. Baldwin, K., Huber, J. Economic versus cultural differences: Forms of ethnic diversity and public goods provision // American Political Science Review. 2010. Vol. 104, issue 4. Pp. 644-662. doi: <https://doi.org/10.1017/S0003055410000419>
38. Tajfel, H., Turner, J. An integrative theory of intergroup conflict. In M. A. Hogg & D. Abrams (Eds.), Relations: Essential readings. Key readings in social psychology (pp. 94-109). New York, NY: Psychology Press, 2001.
39. Tajfel, H., Turner, J.C. An integrative theory of intergroup conflict. In W. G. Austin & S. Worchel (Eds.), The social psychology of intergroup relations. Monterey, CA: Brooks-Cole, 1979.
40. Huber, S., Huber, O.W. The Centrality of Religiosity Scale (CRS) // Religions. 2012. Vol. 3, issue 3. Pp. 710-724. doi: <https://doi.org/10.3390/rel303071>

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной статье является конативный компонент религиозной идентичности населения приграничных регионов России.

В качестве методологии предметной области исследования в данной статье были использованы теоретические методы, в том числе дескриптивный метод; метод категоризации; метод анализа, а также при подготовке публикации была разработана авторская методика с использованием метода моделирования и онлайн-опроса, метод регрессионного анализа.

Актуальность статьи не вызывает сомнения, поскольку для многих людей религия функционирует как важный набор представлений о мире, посредством которых они интерпретируют свою реальность и придают смысл своей жизни. Отвечая на самые сложные вопросы, религиозное мировоззрение влияет на множество психологических процессов в дополнение к базовым представлениям о себе и мире, включая ожидания, цели, мотивы и эмоции. Например, многие системы религиозных верований дают людям чувство уверенности в важном экзистенциальном вопросе о том, что происходит с нами после смерти. Более религиозные люди менее склонны использовать психологические защитные механизмы для совладания со страхом смерти. Кроме того, религия дает общее приятное чувство уверенности и контроля над повседневностью. Религиозность также приносит пользу людям, объединяя их с другими людьми. Кроме того, как отмечено, публикация подготовлена в рамках проекта РНФ № 22-28-01120 «Модели конструирования религиозной идентичности в приграничных регионах России: институциональные механизмы, стратегии и практики» (2022-2023).

Научная новизна исследования заключается в проведении исследования в четырёх регионах Сибирского Федерального округа (Республика Алтай, Республика Тыва, Алтайский край и Новосибирская область). Отбор регионов определялся спецификой социокультурных особенностей, отражающих религиозную композицию пространства региона, а также особенностями этно-демографического состава населения, проживающего на этих территориях. Для каждого региона была рассчитана квотная выборка, квотируемыми признаками в которой выступали пол, возраст и место проживания респондентов (городское или сельское поселение).

Статья изложена языком научного стиля с очень грамотным использованием в тексте исследования дефиниций и описанием позиций ряда ученых к изучаемой актуальной проблеме.

Структура выдержана с учетом основных требований, предъявляемых к написанию научных статей. Структура данного исследования включает введение, обзор литературы, материалы и методы, результаты исследования, обсуждения и заключение, библиографию.

Содержание статьи отражает ее структуру. В частности, в исследовании отмечается, что, как и любой другой вид идентичности, религиозная идентичность включает в себя ряд структурных компонентов: когнитивный (познавательный), аксиологический (ценностно-нормативный), аффективный (эмоционально-чувственный) и конативный (поведенческий, деятельностно-инструментальный), анализу которого и посвящена эта статья. Данное исследование предлагает научному сообществу эмпирически обоснованные модели, характеризующие взаимосвязь религиозности и поведенческих проявлений религиозной идентичности населения приграничных регионов Российской Федерации.

Библиография содержит 40 источников, включающих в себя преимущественно зарубежные периодические и непериодические издания.

В статье приводится описание различных позиций и точек зрения разных ученых, характеризующих различные аспекты религиозной идентичности и ее компонентов, а также содержится апелляция к различным научным трудам и источникам, посвященных этой тематике, которая входит в круг научных интересов исследователей, занимающихся указанной проблематикой.

В представленном исследовании содержатся основные выводы, касающиеся предметной области исследования. В частности, как отмечается, в результате исследования были выявлены как общие тенденции, так и специфические характеристики, присущие поведенческому компоненту религиозной идентичности населения приграничных регионов Российской Федерации. В то же время, региональные сообщества гетерогенны как по этноконфессиональным, так и по социодемографическим признакам. Анализ

особенностей религиозного поведения социальных групп, выделяемых по этнической, конфессиональной и демографической принадлежности способствует более дифференцированной оценке особенностей религиозного поведения населения.

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, а также государственным и муниципальным служащим, представителям религиозных организаций, аналитикам.

В качестве пожелания и рекомендации по данному исследованию следует отметить, что возможно было бы для обеспечения наглядности материала использовать рисунки (графики и диаграммы), а также обратить внимание на требования действующего ГОСТа библиографических описаний при оформлении источников в библиографии. Также хотелось бы отметить, что библиографический список для статьи очень объемен, по возможности, его рекомендуется сократить. Данные рекомендации не снижают высокой научной значимости самого исследования, а в большей степени относятся к оформлению текста статьи. Статью рекомендуется опубликовать.